

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

3(24) 2023

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В МИРЕ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Десятилетие науки и технологий в России

Стр. 2

ИНТЕРВЬЮ
С А. В. КУЗНЕЦОВЫМ

Стр. 19

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
НАУЧНЫХ РАБОТ

Стр. 23

ЧТЕНИЕ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Стр. 67

СОХРАННОСТЬ
КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ

«Научный журнал как дискуссионная площадка»

Интервью редакции журнала с директором Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (далее ИНИОН РАН), чл.-корр. РАН Алексеем Владимировичем Кузнецовым.

Алексей Владимирович
Кузнецов

— Как Вы оцениваете возможности российских ученых публиковать свои работы в научной периодике, особенно в области социальных и гуманитарных наук?

Мне кажется, что сейчас в России существует достаточное количество научных журналов, но есть две проблемы. Во-первых, немало журналов из перечня ВАК с авторитетным учредителем и вроде бы серьезными учеными в редколлегии предъявляет невысокие требования к авторам статей, особенно если речь идет о представителях собственного университета или института. Даже если не говорить о второсортных журналах и сомнительных схемах ради отчетности по грантам, основная часть добросовестных внутренних рецензий на рукописи у нас по-прежнему нацелена на отказ в публикации плохих статей, а не на советы по улучшению хороших статей (тогда как плохие должны отбраковываться на более ранних этапах). Во-вторых, в России уделяется чрезмерное внимание наукометрическим показателям, а потому журнальные статьи обычно не более чем «кирпичи для стен» годовых отчетов ученых, тогда как научный журнал должен быть дискуссионной площадкой для «обкатки» новых научных идей.

Отдельный вопрос — возможности для публикации за рубежом. В России отсутствует целенаправленная государственная политика по продвижению отечественных научных результатов в мире. Если в последние годы средства в некоторых слу-

чаях все-таки выделяются на переводы, то не для защиты нашего приоритета через распространение лучших трудов, а для поддержки наиболее предприимчивых вузов, которые под выделенные деньги судорожно ищут, о чем стоит быстро написать и что потом издать на английском языке. В 2010-е гг. была ставка на самостоятельное освоение зарубежных журналов, что на практике с учетом имеющейся в странах Запада политической цензуры, например для политологических и экономических исследований, приводило к доминированию антироссийского дискурса, а «на коне» оказывались не ведущие российские ученые, а исследователи с хорошим знанием английского языка или бизнесмены, подавшиеся в науку и имеющие деньги на оплату труда переводчиков.

— Существует ли проблема доступности актуальных научных публикаций в области социально-гуманитарных наук? Какова роль библиотек, и есть ли у Вас предложения по улучшению их работы?

Как известно, в России наука стабильно недофинансируется (у нас на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы тратится 1,1 % ВВП, тогда как во всех развитых странах и многих крупных и успешно развивающихся государствах — более 2 %, а нередко свыше 3 %). В таких условиях трудно было бы ожидать, что научные библиотеки будут в каком-то привилегированном положении. Прежде всего, в России почти не выделяются деньги на закупку новых иностранных книг, хотя монографии для обществоведов и гуманитариев очень важны. Сейчас даже как-то неприлично вспоминать про огромные масштабы финансирования в 1970–1980-е гг., но если бы сейчас государство каждый год давало на эти цели ведущим отечественным научным библиотекам хотя бы несколько миллионов рублей, то существующий информационный голод можно было бы ликвидировать. В России пока нет намерений и возродить меж-

дународный книгообмен, который позволяет тратить примерно втрое меньше средств на комплектование того же количества книг и журналов, да еще и продвигает наши книги и журналы в зарубежные библиотеки — а это ведь инструмент «мягкой силы».

Рассуждения, что читатели не пойдут в библиотеки и уж точно не будут читать книжные новинки на бумаге, порочны, причем чиновники никогда не проводили экспериментов, чтобы доказать такого рода утверждения. Апелляция к опыту ведущих западных университетов, где падает интенсивность «традиционного» потока читателей, переключающегося на электронные ресурсы, — лицемерие, которое понятно любому российскому ученому, стажировавшемуся в Европе или США. Поток действительно трансформируется, но у нас в России нет ни полномасштабной электронной подписки на достаточное количество журналов в области социальных и гуманитарных наук, ни закупки многих тысяч книг ведущих мировых издательств в электронном виде. Кстати, иногда такие издания даже дороже, чем печатные книги в обложке, а о переплете при отсутствии достойного финансирования библиотек давно можно забыть. Я уже не говорю о целенаправленной работе по выявлению малоизвестных, но ценных научных журналов и монографий в странах глобального Юга — такая работа по плечу лишь ведущим научным державам, из числа которых в XXI в. Россия добровольно себя стремилась исключить.

— Каково Ваше отношение к современным механизмам оценки эффективности научной работы? Необходима ли разработка новых российских наукометрических систем? Как бы Вы оценили «Белый список», размещенный на сайте Российского центра научной информации и подготовленный Межведомственной рабочей группой при Министерстве науки и высшего образования РФ?

Наукометрические оценки нужны, но лишь как один из элементов оценки ученых и целых коллективов. При оценке дея-

тельности ученых речь должна идти только об использовании некоторых «пороговых» значений как квалификационных требований: для защиты диссертаций, занятия должностей, получения грантов и пр. Никакая наукометрия не скажет, хорошая или плохая у ученого монография и что лучше — написать одну или три книги. Однако если представитель социальных и гуманитарных наук не написал еще ни одной книги, то пусть сначала опубликует собственный фундаментальный труд, а потом критикует (возможно, справедливо) своих коллег. Если, например, ученый не смог за прошедшие три-пять лет опубликовать 2–3 статьи в журналах с индексацией RSCI, то почему он вдруг может их опубликовать, получив грант Российского научного фонда?

На «больших массивах» использовать наукометрические показатели более заманчиво, но даже в случае целых коллективов есть угроза перепутать графоманию с научной плодовитостью, а при оценке цитируемости — важное для современного общества и долгосрочного прогресса научных знаний направление, представленное пока узким кругом задействованных в нем ученых, с изучением пустого, но разрекламированного сюжета. Нельзя сбрасывать со счетов и искажения, вызванные «перекрестным» цитированием внутри кластеров, специально созданных ради повышения отчетных показателей.

Относительно «Белого списка» — я не очень понимаю, в чем состояла «подготовка», если просто механически объединили WoS, Scopus и RSCI. Общеизвестно, что в WoS и Scopus были близкие к коррупционным схемы принятия журналов к индексации и что в некоторых зарубежных журналах WoS и Scopus за размещение публикации можно просто заплатить. Другое дело, что выявление «хищнических» журналов в WoS и Scopus — работа долгая и кропотливая. На сегодняшний день наиболее авторитетной в России является база RSCI, но есть, разумеется, вопросы, как быть с теми авторитетными (пусть и немногочисленными) изданиями, которые ранее

не уделяли внимание собственной индексации в этом массиве.

– В ИНИОН РАН есть Научно-исследовательский отдел (далее НИО) библиотековедения. Какие задачи Вы перед ним ставите?

У этого отдела большой круг задач. К сожалению, общее многолетнее недофинансирование научных исследований в России ведет к тому, что некоторые из задач решаются крайне медленно. Например, на разработку новых и совершенствование уже существующих тематических электронных библиотек в России деньги особенно не выделяются. Нет государственного задания и на развитие новых навигаторов по общественным наукам. Поскольку не выделяется должного финансирования на комплектование научных библиотек иностранными книжными новинками или на возрождение международного книгообмена с дружественными России странами глобального Юга, то нет активных работ и по разработке научно обоснованных принципов эффективной деятельности в данных направлениях.

Из того, над чем сейчас активно ведется работа в НИО библиотековедения ИНИОН, отмечу, во-первых, анализ масштабов и структуры библиотечной деятельности в разных странах мира, в частности в научных библиотеках; во-вторых, работу по разработке ГОСТа «Библиометрические показатели. Термины и определения, структура измерений»; в-третьих, изучение цифровых лингвистических информационных ресурсов.

– В рамках научной специальности «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» сейчас активно работают Российская национальная и Российская государственная библиотеки, ряд центральных библиотек субъектов РФ, вузы культуры. Есть ли у Вас пожелания к содержанию их работы?

Очень хочется, чтобы работа библиографов и библиотековедов велась в тесном диалоге с учеными, ради которых она формально и задумывалась. Можно приводить множество примеров, когда об уче-

ных вообще никто не думает. Посмотрите, что происходит с ГОСТом на библиографическое описание: в России отсутствуют простые и понятные подходы, которые бы учитывали специфику издания журналов, стремящихся сохранить ориентацию на российского читателя, но входящих в зарубежные библиографические базы данных. Я уже не говорю о том, что при разработке ГОСТа никто не предполагал, что сейчас отечественный читатель будет работать по-иному, например, с библиографией на армянском, арабском или китайском языке. В итоге в России имеются десятки разных стандартов оформления библиографии в научных журналах, что сильно затрудняет жизнь авторам.

Или возьмем как пример созданную в конце XIX в. универсальную десятичную классификацию (далее УДК), применение которой сейчас начали активно возрождать по линии Министерства науки и высшего образования РФ в рамках новой системы «Российский научный журнал». Я воздержусь от комментариев относительно адекватности УДК для отображения современной структуры общественных наук, но хотя бы географический рубрикатор можно было привести в соответствие с принятыми сейчас в мире правилами? У библиографов зарубежной Европы код (66) означает государства Западной Африки и соседние территории, а дальше он расшифровывается уже на уровне отдельных государств, например: (662.1) – Мали, (662.5) – Буркина-Фасо или (665.2) – Гвинея, – тогда как у нас на сайте Всероссийского института научной и технической информации РАН есть промежуточный уровень: (662) – Западный Судан и территория Нигера и (665) – государства и территории Верхней Гвинеи. Спасибо, что не «Французской Черной Африки»...

Есть много актуальных задач, которые по силам решить только библиотековедам совместно с представителями профильных научных дисциплин. Например, какие зарубежные научные издательства действительно являются авторитетными, а какие производят преимущественно второсортную продукцию по принципу «кто платит, тот и заказывает музыку». **НБ**